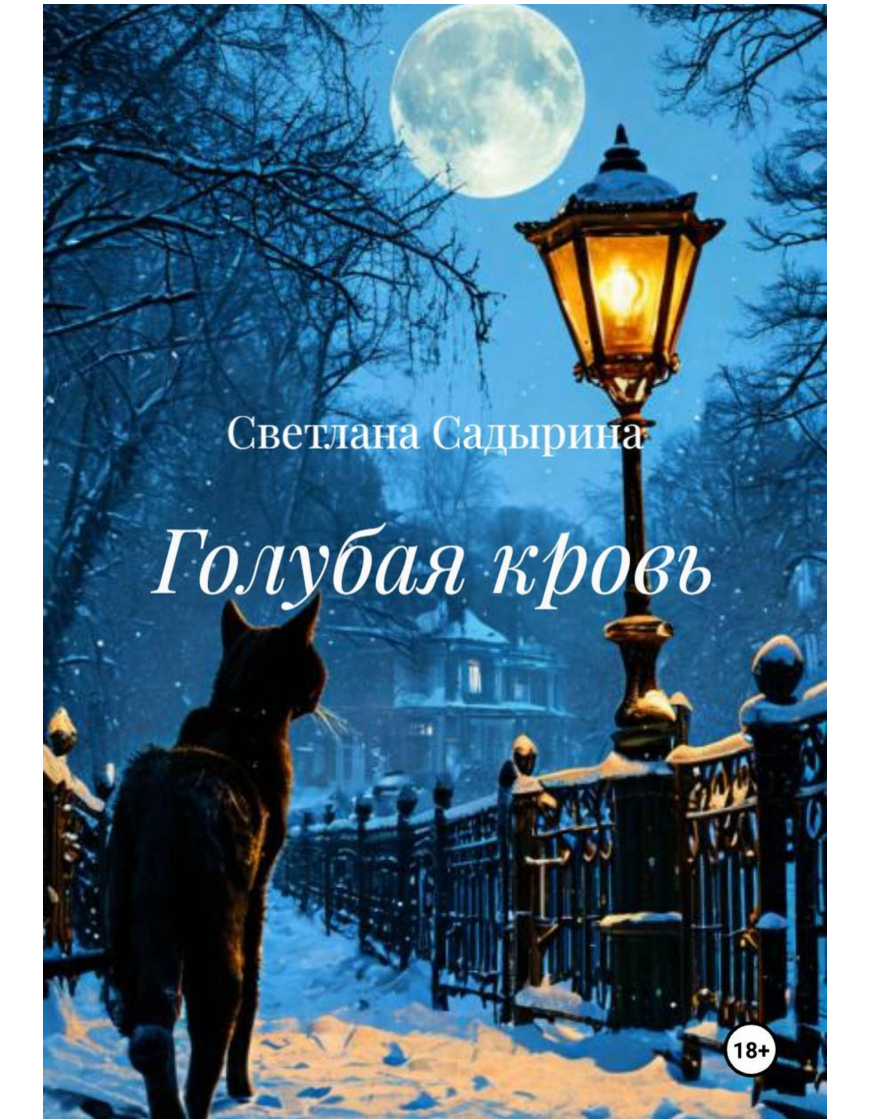

A detailed illustration of a winter night scene. In the foreground, a black cat is seen from behind, walking on a snow-covered path. To the right, a tall, ornate street lamp with a glowing yellow light stands next to a decorative metal fence. In the background, there are snow-covered trees and a building with a dome. A large, full moon hangs in the dark blue sky. The overall mood is quiet and mysterious.

Светлана Садырина

Голубая кровь

18+

Светлана Садырина

Голубая кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73493738

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая часть из цикла городского фэнтези, действие которого происходит в Тюмени. Книга продолжает историю героев «Хранителя Моста влюбленных». В этот раз главным персонажем становится рыжий кот Йося. Питерский циник, скептик и ловелас влюбляется и узнает, что ему на роду была написана судьбоносная встреча, но не спешит покориться судьбе.

И в городе начинается чехарда. На помощь бегут все – Кикимора, которая сама по уши погрязла в амурных делах, семейство золотых котят, Бусечка с Болотником, Бродник с Русалкой, даже брат Васька жертвует семейной драгоценностью. Но оказывается, что предсказание было с подвохом...

Это добрая светлая сказка о любви и о том, что всегда надо следовать вслед за сердцем.

Содержание

Глава о том, как Васька хотел просить перевода по службе, а Йося был сражен	5
Глава, в которой выясняется, почему Руська перестала грезить об утопленниках	8
Глава, в которой золотым котяткам пришлось брать все в свои лапы	12
Глава, в которой Мила радуется, а Лупень плачет	15
Глава, в которой Бобр узнает о несанкционированном митинге	17
Глава о том, как Кикимора с Бусечкой совет в бане держали	21
Глава о том, как Хранька впервые за пятьдесят лет совершил поход по улице Республики	24
Глава, в которой Кикимора рассказывает Йосе о его проклятии	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Садырина

Голубая кровь

Руська рассказала Броднику, Бродник – Бусечке, Бусечка – Кикомошке, и через полчаса город гудел. Каждый дух – речной, болотный, хранящий знаковые места, и каждое изваяние – будь оно из гранита, из мрамора, из металла – передавали весть из уст в уста. Молва летела от исторического центра в каждый закуток Тюмени, в каждый сквер, двор, и дальше – по лесам и опушкам.

Йося влюбился.

Знали все, но никто не мог понять – как?! Руська хлопала крыльями, Бродник хохотнул и ударил себя по ляжкам, Бусечка завела частушки о любви, а Кикимощка накатила ковш бражки, гаркнув – «Пропал шельмец!»

Золотые котятка галдели, переживая, что останутся без чебуреков – где забота о брюхе, а где любовь?! Старый крыс Прошка покрутил у виска, чугунная Машенька зарделась и предалась мечтам, Лиса попросила отставки, а Бобр залпом выпил три стакана валерьянки, запасенной на самый черный день.

Не ведал только Йося. Он, сидя на табурете, меланхолично глядел в одну точку, маялся и считал, что у него несварение. Хотя как знать – одно другому не мешает.

Да и в обоих случаях всегда невтерпеж.

Глава о том, как Васька хотел просить перевода по службе, а Йося был сражен

Мороз крепчал – конец ноября, а в Тюмени третьи сутки было под минус сорок. Рыжий кот Йося, смоля сигаретку, сидел на табурете у входа в бар, носящий название художника, запечатлевшего на картинах его папашку. Но второй день в него никто не заглядывал. Бармен спал за стойкой, официанты зависали в смартфонах, а повар вздыхал, прохаживаясь вдоль плиты.

Братец Васька слез со своей перекладины под козырьком заведения и примостился рядом, кутаясь в полосатый шарф и пальто. Стекла его очков запотели, и он то и дело дышал на них, протирая платком. Любимое занятие – считать пешеходов – было недоступным. Считать было некого.

– Скукота, – протянул Йося. – Нашли же куда командировать. Вот в Питере сейчас все бегут – капает, хлюпает, булькает. Кто в лужу свалится, а кого из нее и обкатит. Веселуха!

– По-ппп-просим о переводе? – заикаясь, предложил Васька. – Здесь з-з-зуб на з-з-зуб не попадает. Вторую з-з-зимку мерз-з-знем! Я и черновик служебной з-з-записки с-с-составил.

Он засунул лапу во внутренний карман пальто и вытащил скомканную салфетку. Расправив ее на колене, аккуратно разгладил и протянул. Йося глянул, понюхал и уточнил:

– Чем писал?

– Горчицей, – буркнул Васька.

– Кетчупом было бы символичнее, – хмыкнул Йося.

Он повертел в руках заляпанную записку, затем шустро скомкал и кинул в урну на противоположной стороне улицы. Та угодила точно в мусорку.

– Есть!

– Ты что творишь? – возмутился брат.

– Дешери строчи не строчи, один фиг с места не сдвинут.

– Это почему?

– Дефицит кадров в прошлом, – вяло протянул Йося. –

А уж при плодовитости нашего брата... Короче, сиди и не мявкай.

Брат насупился и примолк. Ему на нос упала большая снежинка, и он скосил оба глаза, сфокусировав на ней взгляд.

– Сугроб растишь? – хмыкнул Йося.

Но ответа не дождался. Тишину морозного дня нарушила музыка, которая каждую секунду становилась все громче и громче. Парочка повернулась направо – в сторону, откуда неся звук. Резко затормозив из-за красного сигнала светофора, напротив них замер розовый автомобиль, окутанный клубами пара, вырывающимися из выхлопной трубы.

Из салона несло – дынц-дынц-дынц. Йося начал подер-

гиваться в такт и напевать, как внезапно замолк и замер, сраженный увиденным. Сидящая в салоне плюшевая белоснежная кошка лениво повернула голову и зачаровала голубизной глаз. Она, прищурившись, медленно оглядела их сверху вниз и, задрав подбородок, уставилась перед собой. В этот миг машина рванула вперед, нежным облачком растворившись вдали.

– Девон-рекс, – констатировал Васька. – Редкая порода.

Он открыл свой блокнот и записал.

– Дынц... – только и смог ответить Йося.

И, промахнувшись мимо табурета, упал задницей в снег. Хотя жарко было в груди.

Глава, в которой выясняется, почему Руська перестала грезить об утопленниках

Аллеи Загородного сада занесло снегом. Цесаревич задумчиво глядел вдаль, Нюрка с Настасьей, задрав подолы пышных юбок, пробирались по неочищенным дорожкам, опираясь на свои зонты как на трости и ворча на нерасторопных дворников. Радовалась только чугунная Машенька – она каталась с горки, построенной для нее Бродником. Косички девочки растрепались, гольфы сползли вниз, а радостный смех звучал на всю округу.

Довольный Бродник хлопал в ладоши, веселясь вместе с малышкой, подсаживал ее на снежную кучу, чтобы не пришлось карабкаться, и пританцовывал. На плече у него, нахохлившись, сидела белая голубица. Когда Бродник в очередной раз подхватил Машеньку на руки и закинул на горку, птица недовольно закурлыкала.

– Сколько можно с ней возиться, – фыркнула она, – третий час к ряду балуется.

– Душа моя, – нараспев протянул Бродник, – не серчай! Она же дитятко!

Голубица расправила крылья и перелетела на скамью, от-

вернувшись от Бродника и нахохлившись. Тот тут же поспешил к птахе и, взяв ее в огромные ладони, поднес к лицу и ухмыльнулся:

– Руська, ты что – ревнуешь?

– Очень надо, – попыталась увернуться она.

– Да точно – ревнуешь! – хохотнул Бродник.

– Нет, это где видано, – закурлыкала голубица, не выдержав, – я на всю зиму обратилась птицей! Я, Русалка, – птицей! Вместо того чтобы плавать в свое удовольствие подо льдом и ждать глупых рыбаков, которые провалятся, сижу тут, мерзну, а ты на меня ноль внимания! Ноль!

Она высоко задрала миниатюрную головку и демонстративно отвернулась.

– Душа моя, – залопотал, оправдываясь Бродник. – Да как же внимания ноль – я тебя с рук не спускаю, перышки твои нежные глажу, в клювик целую-зацеловываю! А это так – Машеньке отрада! И нам веселее.

Он прищурился и, сраженный догадкой, несмело спросил:

– А ты что же, улада сердца моего, того – по утопленникам соскучилась?

– Ничего я по ним не соскучилась, – возмутилась Руська. – Я по тебе соскучилась, а ты то перед Наськой с Нюркой расшаркиваешься, то с девчонкой в догонялки играешь!

– Голубушка моя, – умоляющим тоном начал Бродник, – да это ж так – свои! Я за все это время ни одну мамзельку по заднице в парке не огрел, и соблазна такого, клянусь тебе,

не испытывал! Ни-ни!

– Точно-точно?

– Точно-точно! Правда-правда!

– И по Одричке своей не тоскуешь? – подозрительно покосилась на великана Руська.

– Во те крест! – побожился Бродник. – Я весь пленен тобой! Кабы сама в птицу не обернулась, чтобы не тосковать в разлуке, так я бы утоп. Как есть – с моста сиганул бы!

– Скажешь тоже, – сказала повеселевшая Руська, – бродники не топнут!

– А я бы утоп!

– Да как так?!

– Да фиг знает как – не пришлось же!

Он схватил пташку в руки и стал тереться носом о ее клюв. Та затрепыхалась, но Бродник не давал ей увильнуть.

– Все-все, – закурлыкала Руська. – Отпускай уже!

– Как бы не так, – гоготнул Бродник, – ты теперь никуда не денешься от моей любви!

Но птаху спас детский крик.

– Дядь Бродя, дядь Бродя, – слышалось со стороны горки, – подтолкни, чтобы с ветерком!

Бродник аккуратно посадил птицу на плечо и с виноватым видом поинтересовался:

– Можно, а? Хотя бы разочек.

– Иди уже, – смиростивилась Руська.

И довольный Бродник зашагал в сторону Машеньки, на-

свистывая мелодию о любви. А голубица, задрав белую головку, гордо крутила ею из стороны в сторону.

Надо бы картинку с Одри Хепберн перепрятать, озадачился великан, а то Руська найдет – вот шуму будет.

Глава, в которой золотым котяткам пришлось брать все в свои лапы

Золотые котята, пользуясь тем, что в мороз центральные улицы были пусты, сбились в кучку.

– Нет, это как без чебуреков! – возмутился старший. – Сколько еще терпеть!

– Уже пятый день! – мявкнул младший.

Братья загалдели.

– Аппетита нет у него, а голодаем мы!

– Никакого братства!

– Надо что-то решать!

Мать-кошка подскочила с пьедестала и фыркнула:

– Цыц! Всем цыц!

– Не, а чего, – протянул Младший.

– Чем он там занимается? – поинтересовалась мать у шайки, кивнув в сторону перекрестка.

– На табурете сидит.

– Молча!

– Курит без перерыва!

– На Ваську не огрызается.

– Любовь...

– Скажешь тоже! – не поверила мать.

- Точно!
- Ей-богу!
- Да так и есть!

Котята наперебой принялись рассказывать то, что узнали от Васьки. А выудили они из него всего ничего: плюшевая кошка в розовом автомобиле лишила Йосю сна, аппетита, а хуже всего – всякого интереса к жизни. Который день рыжий кот восседал на своем месте, вздыхал и отвечал брату невпопад.

Что с ним произошло, Йося не понимал. Понимал Васька, но боялся даже заикнуться. Да и что тут говорить, решил он, незнакомка умчалась, глядишь – и Йоська через пару дней позабудет. Но надежды брата не оправдались – Йося томился и витал в облаках, а в его душе и сердце не переставало звучать – дынц-дынц-дынц... Он даже иногда подскакивал на табурете и выдавал – дынц! После чего, сгорбившись, снова умолкал на несколько часов. Только то и дело поглядывал в сторону, тщетно ища взглядом розовую машину, ярким пятном выделяющуюся в серой массе.

– Тоже мне дынц, – закатила глаза кошка-мать. – И что за плюшевая фифа?

– Ненашенская, – хором ответили котята.

– Оно и понятно, – кивнула мать. – Откуда?

– На выставку, наверное, приехала. Как раз через неделю, – предположил старший. – Лысые, усатые, леопардовые, с ушами-лопухами!

– Ой, бумажкой обзавелись, а гонору у них! – поддакнул самый дальний котенок.

– Так-так, – выпустила коготки глава семейства. – Собирайте кошачий совет. Да поживее!

В ее животе заурчало, и она грозно велела:

– Сейчас же! Придется все брать в свои лапы.

Ребятня оживленно подскочила. Младший огляделся и, убедившись, что никого из людей поблизости нет, обернулся обычным котом и скрылся за углом.

– Прикройте, – велела кошка-мать оставшимся отпрыскам, кивая на пустое место.

Его тут же занял брат, который до этого висел, цепляясь когтями за пьедестал. Остальные расселись и стали с нетерпением ждать. В животах урчало.

Глава, в которой Мила радуется, а Лупень плачет

Мила плавно качала на руках малютку, любуясь крохотными пальчиками. Ресницы дочурки легонько подрагивали, а пухлые алые губы, похожие на вишенки, причмокивали. Сзади подкрался Вадим, он нежно обнял за талию жену и улыбнулся, глянув на крошку и поправив ей темные кудряшки на лбу.

– Давай подержу, – шепотом предложил он, – а ты иди поешь, я курицу разогрел.

Мила аккуратно передала ему малышку, погладив за оголившуюся пяточку, и, поцеловав мужа, отправилась обедать. На пороге кухни она запнулась об сидящего в дверном проеме мопса.

– Мотя! – возмутилась она. – Нашел себе место! Иди в комнату – не путайся под ногами!

Пес не повел даже ухом. Он не моргая следил за хозяйкой, пока та торопливо ела, но Мила не обращала на питомца внимания. Вскоре пришел Вадим. Он тоже налетел на мопса и, чертыхнувшись, ногой отодвинул собаку к стене.

– Вот развалился увалень, – проворчал мужчина.

Мотя неуклюже поднялся и засеменял прочь. В детской

он уселся возле деревянной кровати, над которой висела карусель с погремушками, и уставился на кукольную девочку. Она, лежа на спине и раскинув в стороны ручки и ножки, тихо посапывала. В комнате пахло материнским молоком, присыпками, детскими кремами, отутюженными пеленками, а не как раньше – легкими духами Милы, в которых угадывался аромат трав и весны. Не как раньше. Не как раньше. Не как раньше...

Девочка спала, а из глаза мопса катилась слеза.

Глава, в которой Бобр узнает о несанкционированном митинге

Бобр в съехавших на переносицу очках, вытянув вперед задние лапы, полулежал в кресле. Рядом суежилась Лиса. Она то махала наспех сделанным из листа бумаги веером, то, набрав в пасть воды, опрыскивала им начальника.

– А я говорила, говорила, – зачастила она, – демонтировать котят! Давно надо было демонтировать!

Бобр нечленораздельно промычал.

– И чего с того, что арт-объект в центре города! Уберут один, придумают другой! Нам бы там памятник достопо-
чтенному старцу – стоит, храпит, никому неприятностей не доставляет. Не подопечный, а мечта!

Бобр закатил глаза, а Патрикеевна тут же ответила на его безмолвный упрек:

– Подумаешь – туристы! Туристы что – кошек не видали?! Пусть к фонтану идут на Пешеходный бульвар, выручку парку аттракционов поднимают!

Шеф громко вздохнул. Лиса поправила ему очки и ослабила галстук, расстегнув верхние пуговицы на рубашке.

– Сколько-сколько говоришь? – прохрипел он.

– Двести семьдесят девять, – отчеканила Лиса.

– Нет, ты проверь, – велел Бобр, кивая на толстую папку, лежащую на его столе.

Лиса проворчала что-то себе под нос, но поручение выполнила. Взяв в лапы составленный ею отчет, она повторила:

– Двести семьдесят девять кошачьих особей, включая бездомных и домашних, собрались накануне вечером в Сквере сибирских кошек.

Бобр заохал, а Лиса фыркнула:

– Все запротоколировано! Записи с камер видеонаблюдения имеются! И чего мне стоило их стереть! А уж в соцсети не попало – так это вселенское везение, благо мороз!

– Угу-угу, – отозвался Бобр.

– Устроили котовасию до полуночи! Не центр города, а шапито!

Бобр снова закатил глаза, и Лиса выплеснула ему в морду остатки воды из графина.

– Несанкционированный митинг – раз, – начала считать она. – Подстрекательство – два. Помощь в побеге домашним – три. Сговор – четыре...

– Пять, шесть, семь... – перебил ее Бобр. – Толку считать! Главное – замысел... Замысел какой?

Лиса цокнула и уперла лапы в бока.

– Найти девон-рекс!

– Чего найти? – изумился начальник.

– Ни чего, а кого! Порода такая редкая.

– И зачем она им? – изумился Бобр.

– Им она до лампочки!

– Не понял...

– Поговаривают, – перешла на полусшепот Лиса, – но я в это не верю, что Йося в нее и влюбился.

– Кто поговаривает?

– Так котята! – гаркнула Лиса. – Потому и не верю!

– А им-то ее зачем искать? – изумился Бобр.

– Так они без чебуреков который день сидят, потому что этот рыжий пройдоха не промышляет. Вот и устроили кошачий шабаш, чтобы вертихвостку найти!

Бобр резко выпрямился в кресле, хлопнул лапой о столешницу и прикрикнул:

– Точно!

– Что – точно?

– Надо им помочь... – вслух начал рассуждать Бобр.

– Еще чего!

– Ты, Патрикеевна, не стратег, – задумчиво произнес он. – Давай ищи эту породистую. Все силы на нее, на мелочевку не отвлекаться!

Лиса фыркнула и, резко махнув пушистым хвостом, кинулась к выходу.

– И сразу мне доложить! – донеслось ей вслед.

– А демонтировать проще! – огрызнулась Лиса и нарочно громко хлопнула дверью.

Но Бобр уже не слушал. Он скрестил лапы на груди и повторял:

– Девон-рекс, девон-рекс... Двести семьдесят девять кошек... Как мне дорого это семейство!

Глава о том, как Кикимора с Бусечкой совет в бане держали

– Ась? Что-что его терзает? Какой-такой зараза-кекс? – округлила глаза Бусечка, слушая Кикимору, когда компания сидела в парной, распивая бражку.

– Девон-рекс, душа моя, – гаркнул в ухо любимой Болотник.

– Во-во, – закивала подружайка. – Рекс-кекс, одним словом – заморская гадина. Голубых кровей!

И Кикимора сплюнула на деревянный пол.

– Заморские всегда манят, – подмигнула Бусечка подружке и мечтательно закатила глаза, предаваясь ностальгии. – Вот помню я, когда была в Италии...

Болотник угрюмо глянул на нее, но та только отмахнулась.

– Да не сердчай, Свистулечка – то когда было-то! Лет триста назад! Ох, и ветренная я была, не то что сейчас!

И она, прикрыв рот ладошкой и наклонившись к подружайке, прошептала:

– До сих пор как вспомню гоблина, так вся горю, вся горю – вот веришь аль нет!

– Я все слышу, – буркнул Болотник.

– Так я и ховорю, – закивала ему Бусечка, – гори оно си-

ним пламенем!

И она отправила ему воздушный поцелуй. Взгляд Болотника сразу потеплел, а Кикимора продолжила:

– Совсем скуксился рыжий. Звездами увлекся – заляжет ночью на скамейку и сверлит их своими зенками, сверлит. И все молчком. Я ему – коть, а коть, дай закурить, а он ведь тут же дает, хоть бы раз огрызнулся! Чисто подменили.

Бусечка свела брови и, жалобно охая, стала задумчиво качаться из стороны в сторону.

– Пропадет родимый, – запричитала она. – Ой, пропадет!

– Чай не маленький, сам разберется, – попытался остудить ее кавалер.

Кикимора расчесала зеленые лохмы с фиолетовыми прядями и задумчиво сказала:

– Он та еще заноза в заднице, да своя. Вытаскивать надо.

– Все бы вам, бабам, спасать, – недовольно пробухтел Болотник.

Но подружки проигнорировали его выпад.

– Может, чай с бараночками? – предложила Бусечка. – Он до них шибко охоч.

– Аппетит у малохольного пропал, – вздохнула Кикимора.

– И шо все от любви чахнут, – удивилась подружка. – То ли дело я – цвету и ароматом пышу!

Она оголила белое пухлое плечико и подмигнула, а потом предложила:

– Так давайте найдем эту его... Как ее – кекс?

– Девон-рекс! – хором ответили Кикимора и Болотник.

– Пушай так, – охотно согласилась Бусечка.

Она, охая, слезла с полатей, опираясь на услужливо поданную руку возлюбленного, и, закружившись, завела частушку:

– Мой миленок мне не мил – иностранку полюбил! Я миленька проучу – в рог бараний закручу! Ух!

Кикимора закивала и сказала:

– Вот и я говорю – от заморских одна беда, Леший их дери!

На что Болотник кисло ответил:

– На него надежды нет – филонит Леший. В прошлом месяце его видал – сидит пень пнем, ворчит, что на покой пора.

– Без него сдюжим, – уверенно заявила Кикимора. – Есть у меня идея...

И все трое склонили головы, чтобы пошутиться.

Глава о том, как Хранька впервые за пятьдесят лет совершил поход по улице Республики

– Йось, а Йось, – докапывался сверху до брата Васька, кидая в него снежки.

– Отвали...

– Йось, а Йось!

Кот на табурете продолжал его игнорировать.

– Йось, а Йось!

– Говорю – отвали...

– Иосиф! – сердито прикрикнул Васька.

Он повис на перекладине, держась за нее передними лапами, а задними стал отчаянно перебирать в воздухе, надеясь на поддержку брата, но тот не замечал его усилий. Плюхнувшись в сугроб, Васька уткнулся мордой в снег и стал шарить, разыскивая упавшие очки. Щуря подслеповатые глаза, он бухтел:

– Совсем на себя не похож. Который день не ешь – к доктору надо! А вдруг это заразное? Обезьянья оспа, свиной грипп, почесуха овец, да мало ли!

В глазах Йоси появился проблеск интереса.

– А овцы-то здесь откуда?

– Да и обезьян я не видал, – отмахнулся Васька, найдя пропажу. – Мы не на пляже в Сочи.

Он нацепил очки, затянул потуже шарф, уткнув в него нос, и со знанием дела произнес:

– С этими людьми глаз да глаз нужен – сначала в зоопарках со львами целуются, а потом приличным гражданам руки жмут! А граждане – что?

– Что граждане? – растерянно переспросил Йося.

– А граждане нас трогают! – возмутился Васька. – Котят там носы трут, чтобы желания исполнялись, в фонтан, где Весна, Лето, Осень и Зима, инфицированные монетки кидают, а у тебя спьяну сигаретку из пасти вечно норовят свистнуть. Вот и говорю – к врачу надо!

– Отвали, – снова завел свою унылую пластинку брат.

– Иосиф, – пригрозил Васька, – я буду вынужден доложить куда следует, а то пропадешь, и поминай как звали!

– И поминай, – отмахнулся Йося. – Ты ж блины со сметаной шибко любишь.

– Да ты, да ты, – начал было пыхтеть Васька, но осекся, впечатлившись увиденной картиной.

Он торопливо полез во внутренний карман за блокнотом, чтобы зафиксировать случай, который посчитал вопиющим.

– Что творится, что творится, – бухтел он, пока строчил.

А творилось действительно небывалое. По улице Республики в сторону бара, колыхая жирными боками, подобно лайнеру двигался Хранитель Моста влюбленных. Его щеки

раздувались от одышки, чешуя переливалась, а из пасти вырывались клубы пара. Следом с высунутым языком семенил упитанный мопс.

Йося проследил за взглядом Васьки и присвистнул:

– Это что за пердимонокль!

Он даже привстал от удивления, что Васька расценил как добрый знак в сложившейся ситуации.

– Монокль как раз бы сейчас и не помешал, – пропыхтел он, придерживая лапой очки и вглядываясь в колоритную парочку. – Надо купить монокль.

И он записал это в блокнот, чтобы не забыть.

Необычные пешеходы пересекли дорогу и приблизились к бару.

– Вот, – пробасил Хранитель, проигнорировав приветствие, – полюбуйтесь!

Он лапой сгреб мопса и, держа за шкурку, повертел упитанную тушку перед удивленными мордами котов.

– Было бы чем, – ухмыльнулся Йося.

Васька с подозрением на него глянул, но промолчал.

– Ты его зачем притащил? И вообще, – округлил глаза Йося, – ты его что – у Милки спер?!

– Да будь неладно их семейство! – выругался Хранитель.

– Ты уверен? – язвительно спросил Йося.

– Тьфу! – и Хранитель даже по-настоящему сплюнул. – Будь оно ладно!

Он ослабил хватку, и пес свалился на снег. Он хлопал гла-

зенками, переводя взгляд с одного на другого собеседника.

– Сам приперся, – с недовольным видом пояснил Хранитель. – Сидит как куль с картошкой, с места не двинется. Пришлось к этим – да будь они ладны! – тащить. У подъезда бросил, а он за мной. Я его обратно, а этот паскуда опять за свое! Я все пятки сбил! Прицепился как банный лист. Я ему – вали домой, а он морду воротит.

– Побег и провокация значит? – поинтересовался Йося, пристально разглядывая Лупеня.

Тот моргнул.

– Непорядок! – встрял Васька.

– Так порядочные сразу и не сбегают, – констатировал Йоська. – Они предварительно разминаются, закидывая упреками оставленную ими сторону.

– Ты, философ, – скривился Хранитель. – Забирай вшивого и сам с ним вошкайся!

– А он с тобой который день? – спросил Йося.

– Пятый, – с недоумением ответил Хранитель.

– Тогда еще не завшивел, – отмахнулся Йося.

– Да мне какое дело! – взревел собеседник. – На!

И он подтолкнул задней лапой мопса к табурету.

– А я при чем? – возмутился Йося.

– Так твой друг, ты и разбирайся!

Лупень с довольным видом плюхнулся на зад и радостно тьявкнул.

– Во-во, – закивал Хранитель.

Он сделал несколько шагов вперед, намереваясь уйти, но тут же развернулся. Пару секунд поколебавшись и глядя под ноги, дух несмело буркнул:

– А ты правда – того?

– Кого – того? – удивленно спросил кот.

– Того, того, – сокрушаясь, подтвердил Васька.

Он посмотрел на Хранителя и жалобно спросил:

– Чего делать-то, а?

Тот пожал плечами.

– Ты же должен знать! – не сдавался Васька с надеждой в голосе. – Ты по Мосту влюбленных главный! У тебя это... насмотренность!

– Ага, главный, будь они все ладны! – осклабился Хранитель.

– Так подскажи!

– Руська гадит, этот, – и он кивнул в сторону Йоси, – сольную партию исполняет. Вот и все дела.

– Не-не, – запричитал Васька, – гадить нельзя! Гадить можно, когда уже в браке – стерпится-слюбится, как говорила наша бабка, тыкая деда носом в свадебную фотографию, когда он хотел сбежать к вертихвостке Мурке.

– Муське, – поправил его Йося.

– Муська была потом, сначала Мурка, – не согласился брат. – А сейчас гадить нельзя.

– Нельзя так нельзя, – не стал спорить Хранитель. – Не гадьте.

– А что делать-то? – заголосил Васька.

Хранитель озадаченно почесал макушку, окинул взглядом Йосю и предположил:

– А может, как с поносом – холод, голод и покой?

– Не помогает! – раздраженно ответил Васька.

Хранитель махнул лапой и побрел к себе, бурча под нос:

– Взяли моду – влюбляться...

– А кто влюбился-то? – кинул ему вслед Йося.

Хранитель остановился, оглянулся, смерив кота задумчивым взглядом, но не ответил. Мопс быстро-быстро заморгал, а Васька покрутил у виска, глядя на брата.

Йося вздохнул и повернул голову направо. А вдруг, йокнуло у него в сердце, а вдруг... И он стал искать в потоке серых машин розовое облачко.

Дынц-дынц-дынц – так теперь звучало его сердце.

Глава, в которой Кикимора рассказывает Йосе о его проклятии

Йося не моргая смотрел вперед. Рядом сидень Лупень, который тоже таращил глаза.

– Да етит! – гаркнула у них над головами старушенция с зелеными волосами. – Сапог сапогу пара!

Товарищи синхронно задрали морды.

– Тебе чего? – кисло поинтересовался рыжий. – Настояек нет – бармен сменился, у этого даже огрызок гренки не уведешь. Бюрократы!

– Из-за таких и голодают... Трезвыми! – суксилась Кикимора. – Ну да я не за тем!

– Ты этого когда Милке возвращать будешь, а? – и старуха кивнула на пса. – Девка вся извелась.

– Он не хочет, – меланхолично сказал Йося.

А мопс высунул язык и закивал, подтверждая эти слова. Кикимора схватила кота за ухо и потянула вверх:

– Ты что, паршивец, не слышал – Милка, говорю, вся извелась!

– Ничего – потерпит, – сморщился Йося. – Пока сам не пожелает, пусть здесь сидит. У нас свободная страна – сами

решаем, когда в кабалу сдаваться.

– Так значит? – уперла руки в бока Кикимора.

– Ага, – отозвался Йося.

Лупень активно закивал.

– Нашел кого слушать, – фыркнула старушенция, глядя на пса. – Этот сам влип, а еще советы раздает!

– Куда это я влип? – спросил Йося, распрямившись.

– Туда, куда на роду тебе написано, – сплюнула Кикимора.

– Ой, – сморщился Йося, – эти твои басни! Ага, верю тебе, верю!

– Да как хочешь, – отмахнулась Кикимора, заправив выбившуюся длинную прядь под кожаную бандану. – Пухлого верни! А то Милка зачахнет, с патлатым своим рассорится, Хранька зачахнет, а расхлебывать мне!

Она укоризненно глянула на мопса и пошла в сторону перекрестка.

– А чего на роду-то, а? – прокричал ей вдогонку Васька. – А то род-то у нас с ним один, мне для фамильного древа надо!

Кикимора развернулась и на ходу ответила:

– Голубая кровь его не отпустит!

И, ничего не объясняя, побежала через дорогу на красный свет. Автомобили стали сигналить, но наглая бабка, не сбавляя темпа, виляла в транспортном потоке, показывая возмущенным водителям непристойные жесты.

– Ты что-нибудь понял? – заинтересованно спросил Вась-

ка, свесившись со своей перекладкины.

– Нашел кого слушать, – отмахнулся Йося. – Она ж чокнутая!

– Это не доказано, – с серьезным видом заметил брат.

– Так те психиатры, что диагноз ставили, давно уже померли, – хохотнул Йося. – И не по одному кругу.

– И все же я настаиваю – нужны факты, – стоял на своем Васька.

Йоська снова сгорбился и, закулив, уставился прямо перед собой.

– Голубая кровь, голубая кровь... Это все брехня, – пробормотал он.

– А если нет? – не унимался Васька.

– А если да?

– А если нет?

– Да отвали!

– Да вот и проверь! – прикрикнул Васька. – Сколько можно сопли жевать!

– Ты про что? – с недоумением спросил Йося.

– Да про эту твою – девон-рекс! – не выдержал брат, решив рубить как есть.

– Не понял...

– Да все ты понял, – скривился Васька. – А вдруг она и есть голубая кровь, а? И что – вот так истуканом сидеть, когда на роду написано!

– Гав! Гав-гав! – присоединился к оживленной беседе Лу-

пень.

– Васька, я тебе как задам! – и Йося снизу вверх погрозил кулаком.

– Да задай уже! – оживился брат. – Все лучше, чем сутками кукситься!

– Васька!

– Иосиф, – строго одернул его Василий. – Голубая кровь!

– Еще один рехнулся, – огрызнулся Йося.

И оба примолкли. Лупень спрятался за табуретом, чтобы не попадаться на глаза прохожим, и, свернувшись калачиком, засопел. Ему снилась маленькая девочка с погремушкой в руке. Она улыбалась, угукала и махала ладошкой. А рядом стояла Мила. Она смотрела туда же, что и дочка, но не видела пса. Мотя что есть мочи тявкал, подпрыгивал, с трудом отрывая от земли упитанный зад, но хозяйка его не замечала. Девочка смеялась, а Мила смотрела сквозь него...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.